

Вечно буду. Воспоминания о Станиславе Золотцеве

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
исполнись волею моею
и, обходя моря и земли,
глаголом жги сердца людей!

А. Пушкин

Счастлив тем, что целовал я женщин,
мял цветы, валялся на траве,
и зверьё, как братьев наших меньших,
никогда не бил по голове.

С. Есенин.

При первом знакомстве он производил впечатление человека целеустремлённого, решительного и делового. В его всегда приветливой улыбке, в прищуре внимательных, изучающих глаз, скрывалась какая-то тайна. Тайна его души, его характера, которые раскрывались уже позднее, при более близком знакомстве. И тогда становилось видно – какая это добрая, но, отнюдь, не простая душа. Какой это добрый, хотя и не простой характер.

Каждый человек уникален, а тем более поэт. Станислав Золотцев обладал ярким дарованием, страстной натурой. Он был настоящим сыном своего непростого и противоречивого времени. Он умел увидеть и отразить в своём творчестве поэтическую правду окружающего мира. Он видел и воспевал красоту русской природы и уходящей деревни.

У нас есть несколько заветов великих наших поэтов, из которых в качестве эпиграфа, я привёл только два: Пушкина и Есенина. На мой взгляд этим заветам более всего соответствует жизненная и творческая судьба Станислава Золотцева, его жизненный и творческий путь, путь наследника русской поэзии.

А когда произошло наше первое знакомство, признаться, – не помню. Но когда 21 февраля 1986 года Александр Бологов, бывший тогда председателем псковской писательской организации, привёл в клуб завода ТЕСО, на котором я тогда работал, двух молодых московских поэтов, одним из которых был Станислав Золотцев, - я его уже хорошо знал. У него к тому времени были выпущены четыре сборника стихов: «Зимняя радуга», «Дело чести», «Магнитное поле» и, вышедшая в конце 1985 года в издательстве «Советский писатель», книга «По северной тропе». Вот из этой последней книги Станислав и читал свои новые стихи перед собравшейся рабочей аудиторией.

Мне сразу запомнились два стихотворения: «Чёрная корова» и «Мы новую песню начнём». Первое поразило меня сходством сюжета и накалом страстей с моим собственным стихотворением «Вина», написанным в это же время. Поскольку я веду вольный рассказ-воспоминание о моём близком товарище по перу, мне хочется, чтобы и читатель окунулся в мир моих тогдашних ощущений и пережил, хотя бы частично, то, что я пережил тогда. Вот стихотворение Золотцева:

Мне снился сон мальчишеской порой
и многократно повторялся снова:
как будто мчится по лесу за мной
взбесившаяся чёрная корова.
Два мутных солнца в туче грозовой –
её глаза. Рога – крупней лосиных.
Шерсть оставляя на сухих лесинах,
она летит, огромная, за мной.

Я задыхаюсь, и кричу, и плачу,
и потом истекаю на бегу,
и вот я загнан ею на лугу,
спина - в её дыхании горячем.
Вот-вот вонзится в спину правый рог,
поддев меня под левую лопатку!

...Но тут же превращаюсь я в цветок,
растущий на лугу, сыром и сладком.
Она меня не видит. Я спасён!
Ревя уходит чёрная корова...
Я стал взрослеть. И сгинул этот сон.
Но через двадцать лет явился снова.

Я вновь бегу, и сердцу всё больней –
колотится, в груди не уместаясь.
Я падаю на землю перед Ней –
но ни в какой цветок не превращаюсь.

И вот грудную клетку просадил
её удар, и кровь пошла рывками.

Я просыпаюсь.
У меня в груди –
огромный рог
сломавшийся о камень...

Когда я показал Станиславу черновик своего стихотворения «Вина»,

он тут же отреагировал:

- Так это же моя «Корова». Когда ты его раньше читал?

- Никогда, я его только первый раз сейчас услышал.

- Нет безусловно, это совсем другое стихотворение и по сюжету, и по настроению. Но по сути, по духу, по чувству вины они об одном и том же.

- Вот это то меня и поразило. Они оба отвечают на один и тот же вопрос: за что это мне?

- Да, вот именно, что я такого сделал? В чём моя вина? За что это мне? В обоих стихах силы судьбы, силы Рока, сверхъестественные силы оказываются сильнее человека – так и есть на самом деле и ничего с этим не поделаешь, хотя у меня корова - ломает себе рог, а у тебя горб-вина так и осталась навсегда. Я сознательно приношу ущерб корове, говоря этим, что иногда, чтобы доказать что-то себе и другим, надо противостоять стихиям, а то и бороться с ними.

Вот тогда в первый раз мне приоткрылся характер Золотцева-бунтаря, ещё не совсем окрепший, но уже обладающий той каменной стойкостью, о которую судьба-корова может обломать свой острый рог.

Второе стихотворение, которое мне понравилось из того, что прочитал Золотцев в тот памятный день было «Мы новую песню начнём»:

Мы новую песню начнём –
она уже зреет под сердцем,
и заново землю качнём –
земля перестала вертеться.

Настала пора рисковать
без устали, бесполовинно,
и сердце своё раскрывать
до самой своей сердцевины,

до огненной магмы внутри,
иначе – планета остынет.
Но кто себе скажет «Сгори!»,
тот пеплом вовеки не сгинет.

Мы дети сухого кремня
и смол золотисто-сосновых.
У нас ещё хватит огня,
чтоб жить в этом веке рисковно.

И стоит почуять в себе
хоть самую малую смелость,
чтоб дрогнула ржавь на резьбе,
чтоб снова земля завертелась.

Здесь с ещё большей силой проявляется бунтарский характер, желание противостоять стихиям: «и заново землю качнём, земля перестала вертеться», «Настала пора рисковать», «чтоб дрогнула ржавь на резьбе, чтоб снова земля завертелась».

И здесь же ещё робко, но всё уверенней пробивается важная тема, тема вечности: «Но кто себе скажет «Сгори!», тот пеплом вовеки не сгинет».

Она красной нитью проходит через всё творчество Станислав Золотцева.

Название книги «По северной тропе» красноречиво говорит о том, что автор стал по иному ощущать жизнь, как «немыслимое» чудо, именно здесь:

Нет худа без добра, и нет добра без худа!
В гостиницах, в гостях, в казармах и в купе
я ощущал, что жизнь – немыслимое чудо.
И я её познал на северной тропе.

В начале моего рассказа я указал точную дату этой встречи. Конечно я бы никогда не запомнил её, если бы не автограф на книжке «По северной тропе», которую Станислав тогда мне подарил: «Дорогому Валерию Мухину – с пожеланием творческих успехов. 21. 02. 86».

Надо сказать, что с этого момента Станислав Александрович проявлял всяческое внимание к моему творчеству поощряя и хваля за выход очередной моей книги стихов и это было неоценимой поддержкой для меня начинающего поэта. А в 2001 году он написал статью обо мне в журнале «Встреча» №1 под названием «Там деревни: Даль и Тишь» и привёл в ней пять моих стихотворений. Не буду приводить всю статью, а возьму только её окончание. «И вот, перешагнув рубеж 50-летия, Мухин пришёл к созданию полнокровных и сильных поэтических произведений. В 90-е годы ему удалось (ещё одно чудо для наших дней) выпустить 5 книг стихов, и каждая становилась новой ступенью в творческой зрелости. Валерий Мухин – настоящий во всём: он может и избу срубить, и машину вести по сельским буеракам.. А главное: он состоялся как поэт своей земли...».

Станислав Александрович Золотцев родился 21 апреля 1947 года в деревне Крестки, бывшем псковском предместье. Со временем город разрастался и сегодня от деревни ничего уже не осталось. Она исчезла, растворилась в городских кварталах новостроек. С болью поэт вспоминает в стихах о своём деде садовом, об отце и матери собиравшими чёрную и красную смородину, о тоненьком саженце-яблоньке, которую он подростком посадил когда-то большой взрослой лопатой. И которая стала большим, и красивым деревом:

.....
«Здесь, в саду огромном, я когда-то
весь а поту, в натуге детских сил,

взрослою орудуя лопатой,
саженец тончайший посадил.
И от сада прежнего осталась
лишь она – дремуча и стара.
Никого из нас не красит старость:
ствол корявый, в трещинах кора...

.....
Было всё в её древесной доле
то же, что в моей судьбе земной.
Но – цветёт царевной на престоле
яблоня, посаженная мной!
...Терем её лиственно-узорный,
умертвила пришлая орда...
Но под осень вновь забрезжат зёрна
в сердцевине каждого плода.
Зрелые, святые зёрна эти
брошу в землю будущей весной.
...Вечно будет жить на белом свете
яблоня, посаженная мной!

(«Яблоня посаженная мной»)

Деревни нет, нет и яблони, но боль и память – живы.

С 15 лет Станислав пошёл работать слесарем на псковский завод АДС (Аппаратуры Дальней Связи). И об этом он позднее напишет стихи – о своих первых ступеньках, которые надо было пройти, чтобы подняться и идти дальше и выше:

.....
«Набухали вены на руках,
неумело делавших нарезку,
и сверло, зажатое в тисках,
гнулось и ломалось, как в отместку.

И казалось, что не устоять
перед непослушной, хрупкой сталью.
К пальцам прикипала рукоять,
стружка золотистая спиралью,
завивалась, как ребячья прядь.

И во всём цеху визжали свёрла.
И когда пересыхало горло,
я, довольный первую сноровкой,
обжигался свежей газировкой.

И такая свежесть нарождалась,

и такая появлялась прыть,
Что в судьбе крутой перешибить
их не могут горечь и усталость,
и душе сломать не могут крыл
в молодом полёте против ветра!

Шаг резьбы,
я кровно заплатил
за твои косые миллиметры.

(«Шаг резьбы»)

Вот оно – начало зарождения характера и пути против ветра, -
сопротивления всем жизненным трудностям и невзгодам.

Свою работу на заводе Станислав совмещал с учёбой в вечерней школе, которую окончил в 1963 году. Моя жена Валентина преподавала в этой школе химию, несколько позже, когда Станислав её уже окончил. Но будучи на одном школьном мероприятии мне случилось поговорить с учительницей русского языка и литературы Марией Алексеевной. И я её спросил тогда:

- Такого ученика – Станислава Золотцева помните?
- А как же его не помнить.
- И чем же он Вам запомнился?
- Очень трудный ученик. Какой-то ершистый и неукротимый, сам себе на уме, так что к нему всегда особый подход был нужен... Но очень способный и умный.
- А стихи он тогда ещё не писал?
- Этого я не знаю. Но всегда был с книгой. Даже на уроке, помню, делала ему замечание, чтобы не занимался посторонним чтением.

Сразу же после окончания школы, в этом же 1963 году, он поступает на вечернее отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета и параллельно работает строителем на Кировском заводе. Через два года переходит на дневное отделение. А в 1968 году оканчивает университет по специальности «преподаватель и переводчик английского языка».

Около двух лет Золотцев работает переводчиком в Индии.

С 1970 по 1972 год работает преподавателем в Московском историко-архивном институте.

С 1972 по 1975 год служит офицером авиации на Северном флоте.

В 1978 году оканчивает аспирантуру Московского государственного университета по кафедре зарубежной литературы. Тема его диссертации – «Творчество Дилана Томаса и его место в современной английской поэзии»

С 1970 года постепенно начинает печататься в периодических газетах («Труд») и журналах, таких как «Аврора» и «Новый мир».

И это было огромным успехом и окрыляло молодого талантливое поэта для новых творческих поисков.

В первой своей книге «Зимняя радуга» (1975) Станислав опубликовал много стихов о Советской армии и Флоте, о той действительности, которая его окружала во время его службы офицером, а также стихи об Индии. Жизнь переводчиком в Индии, служба в Заполярье, в военно-воздушном флоте, сформировали важнейшие грани его творческой личности. Они ярко проявились в его северных стихах и балладах. В них живут неиссякаемая романтика и мужественность.

Лирический герой стихов Золотцева молод и отважен, и этим он радуется, и покоряет читателей, для которых распахиваются новые поэтические и жизненные открытия. Перед ними разворачиваются сюжеты о военных лётчиках, картины природы и людей Индии и его родной Псковщины.

Но и во время службы он постоянно помнит о своём доме, о своём гнезде:

И всё же хорошо, что за моей спиной
за грохотом турбин, за крыльями моими –
огромная земля, мой сад и город мой,
и весело они моё припомнят имя.

А когда он мчится в машине по жарким дорогам Индии:

И воздух ревет за спиною,
Как тигр, не догнавший меня.

Сразу виден поэтический характер С. Золотцева – свободный и властный.

И всё-таки земля малой родины ему ближе всего на свете и её он воспекает с особым трепетным чувством:

.....
Черёха! Пью черёмуховый холод –
им пахнет пойм твоих земля сырая.
Когда в тревожный час под сердцем колет
с надеждой твоё имя повторяю.
Оно для сердца – мужество и крепь.
Оно звучит, как древняя тревога.
В нём журавлей крылами плещет цепь
и ветры веют стрелами Стрибога.

(«Черёха»)

И в мятежной душе никогда не увядает чувство, что когда нибудь он всё же вернётся на эту землю уже навсегда:

Может, стал я черствей, может, просто суровой,
но в родные места я без чувства вины
прихожу, научившись родству – не по крови,
а по тяге единой к работам земным.

Но я знаю: однажды, быть может, не скоро,
может быть полпланеты изметив трудом,
я вернусь навсегда в мой единственный город,
чтобы помнил мой сын, где стоит его дом.

(«Псков»)

После выхода в свет своей первой книжки С. Золотцев был принят в 1975 году в Союз писателей России. И почти двадцать лет он живёт в Москве, является московским литератором. Окунается в бурную многоплановую и напряжённую жизнь столицы. Он пишет эссе и критические заметки о литературной деятельности своих коллег-современников. Бывает в творческих командировках, участвует в литературных семинарах в разных областях СССР.

Он продолжает заниматься переводами и становится известным переводчиком с восточных языков.

В 80-е годы доминирует и входит в пору зрелости его поэтическое творчество. У него выходят шесть книг стихов и книга критических эссе «Нет в поэзии провинций» (1986).

В этих книгах много стихотворений посвящены псковскому краю, малой родине. В них видны порывы и распахнутость души автора, романтика, связанная с испытаниями и борьбой, познание жизни через истину:

Есть умные и мудрые. Они
Друг друга дополняют.

.....

Ум открывает истину, как ересь,
ни крови не жалея, ни чернил,
чтоб через век,
в ней напрочь разуверясь,
мудрец её, как прах похоронил.
И если ум идёт путём открытий
неотвратимых, словно жизнь сама,
то мудрость – это, что ни говорите,
высокий сплав
безумья и ума.

(«Ум и мудрость»)

Поражает, что в постоянных поисках самого себя Станислав Золотцев открывает в глубине души своей ту «несмирненную» натуру, которая и дарила ему «живучесть» в этой нелёгкой жизни:

.....
...Если всё, что я пережил, перелюбил, повидал,
можно в слово вложить, это слово одно – потрясенье.

.....
Ох, кому довелось народиться под знаком Быка,
тот всю жизнь будет мучим своей несмирненной натурой.

Вот и я заряжён смесью гнева, любви и огня.
Разрываемый ими, мечусь и тревожусь и мучусь.
Но, быть может, они, порожденье апрельского дня,
и дарили мне в лютые зимы живучесть..

Словно лось, по весне медногорло и зычно трубя,
за своё заповедное дыбился я не однажды,
каждый стебель земли, каждый волос любимой любя...

(«Тридцать пятый апрель»)

Щемящей болью пронизывает стихи тревога за судьбу России и её народа, которая открывается в горьких откровениях поэта:

.....
Очей славянских синь эстрадный дым забил –
гнусавый микрофон лахудры низколобой.
...Звезда моя полынь. Цветущий чернобыль.
Земля моя полынь. Беда моя – Чернобыль.

.....
Но где покой, когда не сосчитать платки
солдатских юных вдов на молодых могилах...
Мне снится: моего младенца на штыки
уже берут, а я – спасти его не в силах.
...Реактором любви остался мой народ,
хотя никто ему не возместил потери.
И мглился небосвод. И длится этот год.
И звёздная полынь цветёт среди метели.
О, память, не остынь – как пепел не остыл,
слетевший с горных троп в афганские сугробы.
... Звезда моя полынь. Горящий чернобыль.

Дитя моё полынь. Земля моя – Чернобыль.

(«Звезда-полынь, или воспоминание о 1986 году»)

Характерно начало отрывка, который я привожу здесь. Станислав Золотцев утрату советской эстрады, советской культуры сравнивает с опустошающим культурным Чернобылем, новым шоу-бизнесом, похоронившим и русскую песню и «очей славянских синь».

А в другом своём стихотворении «Наши песни» поэт с отчаяньем, непониманием и горечью вопрошает, куда же подевалось наше «солнце народной поруганной славы», народные и советские песни, почему они не звучат и мы их совсем не слышим?

Я слушаю песни разрушенной нашей державы.
Я слушаю счастье и горе огромной страны –
высокое солнце народной поруганной славы,
отлитое в звуки, что нынче почти не слышны.

.....
Я слушаю их, и волнением острым и сладким
полно моё сердце, и плачет оно, и поёт.
Зачем Дунаевский и Хренников, Блантер и Фрадкин
надежду и веру творили семёркою нот?!

«Катюша», «Землянка», «Смуглянка», «Скалистые горы»,
и «Тёмная ночь» и раскаты «Священной войны» -
в хаосе безумья, под грязью дремучего вздора
замолкли они и в эфире почти не слышны.

Развал Советского Союза сразу никто не осознал и, можно сказать, не понял, что же произошло? И только спустя время народ начал осознавать всю трагедию, всю катастрофу произошедшего. Страна умерла тихо, как умирает большинство старых людей.

Трудно было поверить, что такая огромная держава, оплот мира во всём мире может умереть. Да, не просто умереть, а исчезнуть, испариться как дым, «как утренний туман»:

Что мы пережили в эти дни? –
Шторм безумья, фарс переворота,
лязгание танковой брони
посреди столичной толкотни,
выплеск ядовитого болота...
Бунтом взбаламучена Москва.
У ревущих толп она во власти...

Снова, как в Семнадцатом году,
воздух смуты чёрен и неистов,
породил безмозглую орду
юных, крови жаждущих чекистов,
Пена правит сверху. Но жива
Глубина своей живою силой.
...И свои последние слова
В глубине хранит ещё Россия.

(«Август-сентябрь 1991 года»)

Но, когда народ, всё же, осознал, что произошло, он понял, что растоптали не только страну, но и его самого. Растоптали, нарушили его целостность, единство, привычные устойчивые экономические, родственные и другие связи и законы.

Развал СССР и реформы, следовавшие за ним, которые потом назвали людоедскими, привели к огромной сверх смертности людей.

И вот спустя десять лет С. Золотцева как будто током поразило – а страны-то нет! «И только в этом городе восточном, неумолимо, неотступно, прочно всем существом я понял эту явь – как будто море огненное вплавь я пересёк».

.....
- Прощай, моя Советская страна,
прощай моя Союзная держава!
Дай Бог – другие грядут времена,
твой новый образ возродят потомки...
Сегодня же вокруг – одни обломки,
уже остывший пепел, прах седой,
покрывшийся травой забвенья сочной.
Дай Бог, чтоб стал он самой доброй почвой
для новых всходов, нового пути.
Сегодня же – прощай!
И нас прости...

(«Жестокое прощанье»)

И вновь растёт в душе поэта протест против произошедшей несправедливости, против того, что не должно было никогда произойти. То, что сделано было навеки - обязательно должно вернуться снова:

Обретая земли и моря,
что тебе принадлежат по праву,
возродись, Империя моя,
Русская, Великая Держава!

Древнее духовное зерно
вырастает в новую святыню.
Никому на свете не дано
поселить в душе твоей пустыню.

.....
Пережив лихие времена
униженья, смуты и насилья,
возродись, огромная страна,
наша неделимая Россия.

.....
Да сомкнутся все твои края
под багряным стягом Правой Славы.
Возродись, Империя моя,
Русская Великая Держава!

(«Гимн Грядущей России»)

И уже в новом прощении, но всё с той же молитвой и любовью об
Отечестве звучит тема не дающая покоя поэту. «Дума»:

Да воскреснет земля, где живут мои люди родные,
Да не сгинут святыни, и грады, и веси её.
Да не будет последней молитва моя о России.
Да не будет последним последнее слово моё.

Вместе с распадом Советского Союза в 1991 году распался и Союз писателей СССР. В стране образовалось сразу несколько союзов. В одной Москве – сразу три: Союз писателей России, Союз российских писателей и Союз писателей Москвы. Есть ли разница между ними? В принципе – нет. Но Союз писателей России традиционно считается организацией «патриотической» направленности, тогда как возникший как альтернатива ему Союз российских писателей придерживается «демократической» направленности.

Вирус распада, гулявший по всей стране, попал и в нашу писательскую организацию и 11 декабря 1997 года было заявлено о создании в Пскове новой писательской организации – «Объединения псковских писателей», которая вышла из основного состава и стала жить своей самостоятельной жизнью.

Руководителем новой организации был выбран Станислав Золотцев.

В состав отделившейся организации вошли Станислав Золотцев, Ирена Панченко, Лев Маляков, Валерий Мухин, Александр Гусев, Елена Морозкина, Валентин Краснопевцев, Борис Ильин, Виктор Васильев. Позднее в неё вошли Евгений Афанасьев, Виктор Русаков, Георгий Гореловский, Любовь Федукова, Вера Романенко, Геннадий Моисеенко,

Николай Гончаров, Иван Калинин, Александр Казаков, Павел Осокин, Мирра Яковлева.

И в судьбе С. Золотцева происходит много изменений.

В 1992 году умирает мать поэта и это событие поражает его не меньше, чем гибель страны:

.....
Как же черно завершается доля,
полная света духовных ключей –
в смрадной палате, в корчах от боли
и при бессилии нищих врачей.

Словно придавлена лапой железной,
женщина, жизнь подарившая мне,
мучится вместе со всеми, кто в бездну
брошен кошмаром, царящим в стране.

.....
Как же совпало с бременем бремя
две черноты моего бытия:
мать умирает – и в это же время
гибнет Россия моя.

(«Смерть мамы»)

А за престарелым и больным отцом нужен был присмотр и уход.

И вот с начала девяностых годов Золотцев возвращается в родной город всё чаще и подолгу живёт здесь и работает. Он ухаживает и заботится о своём отце, иногда приводит его на заседание писательской гостиной в «Городской культурный центр» на Рижский, 64, благо он находится недалеко от их дома. Я помню этого статного пожилого человека, убелённого благородными сединами, внимательно слушавшего выступления псковских поэтов и собственного сына.

Золотцев сохраняет свои обширные связи с литературными журналами и газетами разных областей и городов России. Правда в эту пору разрухи и раздробленности резко сокращаются тиражи и местных и столичных журналов и газет.

Эти связи помогали С. Золотцеву опубликовывать различные статьи в центральных газетах и журналах о жизнедеятельности новой, уже родной ему писательской организации. По возможности, он пишет статьи почти о каждом в отдельности члене нашей организации с публикацией стихов каждого автора и биографических заметок о нём. Это благотворно влияло на настроение и жизнь в целом молодого авторского коллектива. Появилось как бы второе дыхание, что сразу же сказалось на работе всей организации.

Появились новые идеи, издательские планы, которые претворялись в жизнь с большим воодушевлением.

Кроме различных статей и заметок Золотцев организывает радиопередачи на радио России, где звучат стихи псковских авторов. В этом ему помогает жена Ольга Золотцева, работавшая тогда на Радио.

Как-то приехал из отпуска мой хороший друг Серёжа Никитин, который отдыхал под Краснодаром в большой семье своей невестки и рассказывает:

- Сидим это мы за большим столом в своём саду. Трапезничаем, значит. Погода шикарная, солнышко южное благодатное ласково греет. Вдруг по транзистору объявляют: «слушайте стихотворения псковского поэта Валерия Мухина». Мы так и подпрыгнули от неожиданности. Вот, думаем куда псковские волны долетели. И так радостно было воспринимать твои строки о Пскове, о родной псковщине – там на южном солнце, что комок к горлу подступал... И все жадно слушали.

В этом же 1992 году у меня умирает тесть и могилы матери Станислава и моего тестя оказываются совсем рядом. Через пару лет у меня умирает тёща, и вскоре у него умирает отец. И опять наши могилы рядом. А Станислав напишет стихотворение «Не умирают отец и мать»:

Не умирают отец и мать,
лишь переходят в иную статью,
в иную волю, в иную долю,
в нерукотворную благодать.
Не умирают отец и мать.

Не умирают отец и мать.
И суждено им не истлеть
в могильной почве, но днём и ночью
в душе рождаться твоей опять.
Не умирают отец и мать.

Где опять, но уже в другой транскрипции здесь звучит тема вечности.

Мы часто бываем на кладбище, иногда едем туда вместе на моей машине. А когда прощаемся Станислав иногда просит:

- Захватывай меня, когда следующий раз поедешь.

И я «захватывал».

Золотцев часто в своей поэзии использовал народные «корни»: народные обычаи, поговорки, народные присловья, приметы, привороты и т. д. И вот в одной из наших поездок, когда я его «захватил» на кладбище он и говорит:

- Не даёт мне покоя один русский обычай, когда раздают вещи покойных родным, друзьям и знакомым. Во-первых вещей столько, что мне их никогда не раздать. Вот ты например – возьмёшь зарядное устройство отца.

- А почему бы и не взять? Возьму. У меня совсем плохонькое стало.

- Отлично, вопрос решили. А во-вторых, я написал стихотворение на этот обычай, пока черновой вариант. Приедем – посмотришь.

Когда приехали на кладбище и я остановил машину, он достал из потайного нагрудного кармана листок сложенный вчетверо и протянул мне. Начав читать я обратил внимание, что стих белый. И в общем-то будничным. Кому я подарю то? Кому я подарю это? Кому это нужно? Кому это принесёт пользу? И я уже хотел было сказать Станиславу, что над стихом ещё надо бы поработать, как вдруг в конце читаю совершенно потрясающие строки, которые, как это всегда умел делать Золотцев, «вытаскивают» все стихотворение:

Куда мне девать всё то, что они носили на себе
и в себе, всё, что вынесли они на своих плечах?
Всю выношенную ими страну по имени Россия
- кому передам я сегодня?..

(«Факультет ненужных вещей»)

- Ну, Станислав, ты, видать, волшебник какой-то. И просто, и возвышенно, и, как всегда, патриотично. И образ замечательный, но почему белый стих?

- Ты знаешь, так на душу легло... Как легло, так я и писал, и мне было так свободно и легко в этом белом стихе, что я, наверно, уже почти ничего менять не буду.

После образования «Объединения псковских писателей» мы включились в частые поездки по области с целью пропаганды своего творчества и новой писательской организации. «Объединение» с самого начала избрало путь активной поддержки авторов, живущих не только в центре, но и в глубинке. Были налажены прочные творческие связи со всеми литературными клубами при районных библиотеках и школах, выявлены десятки талантливых авторов, которые впервые получили возможность быть опубликованными на областном уровне.

Мы развернули широкую издательскую деятельность: находили заинтересованных спонсоров, в поездках при выступлениях реализовывали нашу новую продукцию, крутились как могли.

Станислав, будучи руководителем новосозданного Московского Литературного фонда (социально-правовая защита писателей) уговорил нас вступить в Литфонд с надеждой получать в дальнейшем какие-то гонорары. Так и было: мы все, послушавшись его, и заплатив какие-то взносы, вступили в Литфонд и он снабдил нас членскими билетами. А в дальнейшем стал

привозить какие-то деньги. Раза два или три делили эти деньги поровну. Приходилось по две или три тысячи на человека. И мы решили больше деньги не раздавать, а лучше использовать их для новых наших изданий.

За время существования «Объединения» в свет вышло более 50 коллективных сборников и десятки авторских книг.

И это без всякой официальной финансовой поддержки. Для сравнения: за это же время Псковская писательская организация, возглавляемая Александром Бологовым, а позже Олегом Калкиным, выпустила только один сборник – альманах «Скобари», который был профинансирован областной администрацией.

Но стоило «Объединению» выпустить свой первый поэтический сборник «У родника» (авторы: Золотцев, Морозкина, Маляков, Мухин, Гусев, Панченко), как он подвергся острой «грязной» критике бывших друзей-коллег родной писательской организации, вылившейся на страницы областной печати.

Значит, сто раз был прав Александр Блок, открыв миру, эту страшную правду в своём стихотворении «Друзьям»:

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать
Не зная извечной вражды.

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы преклонить!..

И почти одновременно в газете «Вечерний Псков» была опубликована статья известного поэта-песенника Николая Доризо, который был в восторге от сборника «У родника». Я не буду приводить эту статью целиком, но поскольку Николай Доризо в ней даёт краткую характеристику каждого автора – я приведу только то, что он говорит о Станиславе Золотцеве:

«В последние годы мне, хоть и реже, чем прежде, но всё-таки часто дарят и присылают поэтические новинки, есть среди них и удачные, и не очень, но, признаюсь, сборник «У родника» воодушевил меня по особому:

Святогорье моё, Лукоморье моё –
Жизнь, омытая пушкинским взором.

Так завершается стихотворение, открывающее этот сборник, и не случайно же оно посвящено памяти С. Гейченко, - как и несколько стихотворений других участников книги: не должно землякам «Домового»,

подвижника и фактического творца нынешнего заповедника, забывать это великое имя. «Жизнь, омытая пушкинским взором» - трудно, кажется, найти более точную словестно-художественную «формулу» для обозначения того мировосприятия с которым жил Семён Степанович, и с которым живёт каждый, кто ощущает, что «Пушкин – наше всё».

Автор же этого стихотворения, как и первого раздела книги – мой младший, хотя уже и очень давний добрый товарищ, по перу Станислав Золотцев, чья творческая судьба в Москве разворачивалась на моих глазах.

Теперь, зная, что он живёт по преимуществу вновь в Пскове, и читая в книге «У родника» его самые новые стихи, вижу: возвращение на родину пошло на пользу этому одарённому и многогранному литератору».

Не могу не привести хоть несколько строк из этого стихотворения, чтобы читатель мог почувствовать ту симфонию звуков, которая рождается в душе поэта при соприкосновении его с Пушкиногорьем:

Я в снегах, как в стихах.
Я в стихах, как в снегах,
с высоты на меня нисходящих.
И в Тригорских борах
звёздный кружится прах,
и в еловых Михайловских чашах.

.....
Я прошит ими весь.
Я на родине здесь,
на славянской земле заповедной.
Сосны смотрят в зенит,
и под ними звенит
каждый холм, словно колокол медный.

.....
Млечный пух, снежный день,
и крестовая тень
На высоком холме под собором...
Святогорье моё,
Лукоморье моё! -
Жизнь, омытая пушкинским взором.

(«Я в снегах, как в стихах...»)

Между тем у Золотцева к этому времени вышли книги стихов: пятая – «Зов Азии», 1987, и последующие – «Пора брусники», 1988, «Приворот», 1989, «В наше время», 1990, «Сыновья поэма», 1991, «Прощённое воскресенье», 1992, «В минуты близости с тобой», 1993, «Всё пройдёт, а Россия – останется», 1997. И прозаические произведения – «Поэзия и смута: очень несвоевременные заметки», 1993, «Мир Пушкина. У синичьей горы»,

1999, «У подножия синичьей горы: роман эссе», 1999, «Камышовый кот Иван Иваныч: история его жизни и смерти», 2001.

В своей автобиографии во Всероссийском автобиобиблиографическом ежегоднике «На пороге 21-го века», том 1, Москва, 2004 г., Золотцев пишет: «В конце 80-х стал выступать как публицист: статьи и очерки были направлены против разрушения СССР, в защиту отечественной культуры, против ограбления страны и народа. Осенью 1993 года я участвовал в обороне здания Российского парламента»:

С октября во мне – два главных ощущения.
В каждом – эхо залпов пушечных звучит
От того, что жив остался – удивленье.
От того, что жив остался – жгучий стыд...

(«После расстрела»)

Весной 1998 года я подготовил рукопись своей новой книжки стихотворений «Зеленоглазый ангел». Золотцеву очень нравились некоторые стихи из этой рукописи, которые я читал при совместных выступлениях в Пскове и в поездках по области. Это были «Мадонна», «Два ангела», «Зеленоглазый ангел» и другие. И мы договорились, что он станет редактором этой книжки и напишет кратенькое предисловие.

Буквально через неделю он мне позвонил и попросил прийти к нему за рукописью сегодня вечером, так как завтра с утра он собрался уезжать к родственникам в деревню. И я, как это у нас принято, захватил с собой бутылку водки и пришёл к нему.

- Вот это ты здорово придумал, сказал он, принимая «пузырёк».
- А я думал, что ты ругаться будешь.
- В другое время бы стал, ты же знаешь, что я не пью. А сейчас не буду, отвезу родственникам в деревню, там этот товар – валюта.
- И надолго ты уезжаешь?
- Да нет, надолго не могу, максимум на неделю. Но и не съездить, тоже нельзя. Там сейчас трудовые руки, ох, как нужны. А заодно надо разных травок пособирать, да посушить – там есть где. Вот - засушу и приеду. Соскучился я по травному чаю, страшно...

Когда дома я стал читать его длинное предисловие к сборнику, у меня было желание – половину сократить, но что-то меня остановило и я убрал только пару предложений вначале. Была бы полностью моя воля, я бы оставил только самую концовку, а именно: «Валерию Мухину удалось проложить для себя такой путь – то есть, быть гражданственным поэтом России. От книги к книге его стихи становились всё более сильными, звучными, исполненными живых и самобытных интонаций. Всё более они

дышали красотой Псковщины, несли в себе её неповторимый облик, вечно-былинный - и все более тревожными и смелыми по сущности становились, в лучшем смысле этого слова – современными! И сегодня я могу сказать с великой радостью для себя и (верится!) для многих читателей: Валерий Мухин состоялся, как настоящий сильный и зрелый поэт. По-человечески он вступил в возраст, говоря пушкинскими словами, «грозный и суровый» - прекрасный по-своему возраст, пора наступления мудрости земной, но ещё и та пора, когда «буйство глаз и половодье чувств» не покидают человека. Поэта – не покидают...

А главное: я глубоко убеждён сегодня, что именно в наши, труднейшие для России дни голос поэта Валерия Мухина станет надёжной духовной опорой в жизни многих русских людей, для которых поэзия является одной из высших ценностей нашей нации.

Поэт пришёл к нам в трудное время, но – вовремя».

Когда я стал дальше просматривать рукопись книги я не нашёл в ней ни одной золотцевской поправки, ни одной даже исправленной запятой. Заподозрив, что Станислав вообще не прочёл мою рукопись, по приезде его из деревни я сказал ему об этом, на что он мне мягко ответил:

- Валера, у тебя тут так всё отточено и пригнано, что мне просто нечего было поправлять...

И эти слова были самой лучшей похвалой моим стихам, моему творчеству. И, конечно, мне пришлось извиниться за своё недоверие.

Как-то на моём мероприятии, по поводу презентации книги, в «Писательской гостиной», на Рижском проспекте, 64, где у нас постоянно проходили заседания, каждый третий четверг месяца, и где меня поддерживал песнями написанными на мои стихи, мой добрый друг и бард Вячеслав Рахман, после выступления к нам со Славой подошёл Золотцев. Он поблагодарил нас за выступления и похвалил: меня за стихи, Славу за песни:

- Все песни у вас замечательные – сказал он – но одна, мне особенно понравилась своей задушевностью, патриотизмом и глубиной. Это песня «Россия- поле». Я бы даже назвал её гимном.

- О, Станислав, спасибо за высокую оценку. А гимном чего?

- Ну, конечно, России, потому что слова - о России. Мы с Мишуковым сейчас задумались над гимном Пскова. Думаю, что-то должно получиться. Текст я ему уже дал, а он музыку творит. Один раз он мне изобразил на фортепьяно, - мне понравилось, а ему что-то ещё хочется почистить.

- Ну здорово, у Пскова будет свой гимн! Поздравляем!

- Да рано ещё поздравлять. Ещё столько заморочек предстоит.

Сплошное хождение по мукам, пока его утвердишь.

- Да, ладно, Станислав, помучайся, гимн этого стоит.

Гимн города Пскова был утверждён Псковской Городской Думой в 1999 году. Это было событие года. Когда он звучал на торжественных мероприятиях, в первое время, у многих псковичей мурашки бежали по коже.

Его величавая, торжественная, распевная мелодия и такие простые, ясные, доходчивые и весомые слова, проникавшие в самую глубину души, быстро полюбили псковичам и пришлись по сердцу:

Там, где к Великой мчится Пскова,
Там, где Россия в людях жива,
Встал наш любимый город седой,
Вечно хранимый Ольгой Святой!

Блещет барс над каждой башней.
Блещет золото крестов.
Вечно славься, Псков вчерашний!
Вечно здравствуй, новый Псков!

Звон колокольный в небо плывёт.
Город наш вольный гордо живёт.
Годы лихие сгинут, как дым.
Славу России мы возродим.

Не опрокинет временем гром
Нашу твердыню – каменный Кром.
Вскормлен и вспоен силой земной
Пахарь и воин, Псков наш родной.

Блещет барс над каждой башней.
Блещет золото крестов.
Вечно славься, Псков вчерашний!
Вечно здравствуй, новый Псков!

(«Гимн города Пскова»)

В январе 1999 года Станиславу Золотцеву была присуждена литературная премия Булгакова. Я запомнил, как мы тогда радовались, а я даже опубликовал заметку в газете «Вечерний Псков». Вот она:

«Добрая весть из столицы.

Полку псковских писателей, являющихся лауреатами различных премий, прибыло. На сей раз нашего писателя-земляка увенчали лавры литературно-общественной премии имени Михаила Булгакова. Этой награды достоин Станислав Золотцев, секретарь правления Союза писателей России, председатель регионального отделения СП «Объединение псковских писателей» и кандидат филологических наук. Учредителями премии им. М. Булгакова являются Союз писателей России, Министерство путей сообщения и газета «Гудок» (где в 20-е годы работал будущий автор «Мастера и Маргариты» - вместе с Пришвиным, Бабелем, Паустовским, Катаевым...).

В предыдущие годы этой награды удостоивались писатели В. Распутин, В. Белов, В. Крупин, В. Карпов. В 1998 году она присуждена ветерану отечественной драматургии Виктору Розову и нашему земляку.

Станислав Золотцев стал лауреатом за публикацию глав из его «пушкинского» романа-эссе «У подножия Синичьей горы» на страницах газеты «Гудок».

Валерий Мухин. 1-8 января 1999, «Вечерний Псков»

О Москве, в которой Золотцев прожил в общей сложности более двадцати лет, да ещё регулярно навещался, даже когда переехал на постоянное жительство в свой родной Псков, он написал много разных стихотворений. Есть среди них и светлые оптимистичные, но чаще это стихи с привкусом печали и разочарования – не такой должна быть столица. Не потому ли его всегда тянуло в родные псковские места, места заповедные и древние, без которых он уже не мыслил своей жизни:

На улицах столицы – грязь и мразь
разбойничья, и просто всякий мусор.
Москва в полон Антихристу сдалась
и, кажется, пришлась ему по вкусу.

Прогнивший и смердящий Вавилон,
продавшаяся нелюдям блудница, -
Москва моя!.. стряхни свой страшный сон,
проснись великой русскою столицей.

Какой бы чёрный не ложился стыд
на звёзды и кресты твои святые, -
на них, как прежде, с верою глядит
Вселенная по имени Россия.

(«На улицах столицы»)

И он даже, кажется, совсем не жалеет о том, что покидает Москву, потому что только на своей малой родине он наконец вернулся к «самому себе»:

Меня в столице многие забыли:
ведь я теперь совсем провинциал.
Там стол рабочий мой – под слоем пыли.
Там отлюбил я и отвоевал.
Ну что ж, сегодня из Москвы нередко
сбегают – кто в Париж, кто в Тель-Авив...

Я тоже убежал на землю предков,
где главный предок мой пока что жив.

.....
И я живу теперь в своём народе
и на земле единственно моей.
И растворилась в пушкинской природе
моя душа среди родных людей.
И пусть меня в Москве совсем забудут:
я счастлив, что в моей лихой судьбе
Свершилось это радостное чудо –
Что я вернулся к самому себе...

(«Меня в столице многие забыли»)

В конце апреля 1999 года по приглашению Международного Сообщества писательских союзов России и стран СНГ (МСПС) в Москве состоялась первая творческая встреча-знакомство членов сообщества с делегатами Псковского регионального отделения «Объединение псковских писателей».

Это «первое свидание» подготовил Станислав Золотцев. Оно проходило в рамках совместного заседания Совета по киргизской литературе и Совета по детской литературе, посвящённого 200-летию А. С. Пушкина. Делегированные в столицу С. Золотцев, Л. Маляков, В. Мухин, И. Панченко, И. Плохов (и примкнувшая к ним в Москве Е. Морозкина) прибыли на встречу не с пустыми руками, а с прекрасно изданными сборниками стихов и прозы.

Выставка книг, изданных «Объединением» всего за два года существования, произвела сильное впечатление даже на искушённую публику. Столичные писатели и коллеги из Киргизии, многочисленные журналисты, издатели и переводчики дали высокую оценку деятельности псковичей, назвав увиденное «уникальным явлением». Особое внимание критиков и литературоведов было уделено коллективным поэтическим сборникам, посвящённым юбилею А. С. Пушкина и среди них: «У родника», «Звучание свирели», «Хранитель лукоморья», «Времена года» и две книги антологии псковской литературы для детей и юношества «Солнечный цветок» и «О любви? И только!».

Большой список желающих выступить по тому или иному изданию не был исчерпан даже за три с половиной часа заседания. А мы делились своим опытом, как нам удаётся издавать книги, да ещё и для детей. Мы рассказали, как надо не только выживать, но и жить творческим людям – писателям и поэтам – в это смутное время.

Станислав Золотцев испытал свой заслуженный триумф, я бы сказал свой звёздный час, поскольку был в центре внимания и щедрых похвал. Он безусловно был горд и счастлив от успеха своих земляков и своей писательской организации.

Приятной для псковичей была встреча с бывшим губернатором, а ныне заместителем министра по национальным вопросам В. Н. Тумановым пришедшим на заседание, чтобы порадоваться творческим успехам земляков.

Как-то, когда мы с Валентином Краснопевцевым увлеклись афоризмами (он своими «Горошинами», а я своими «Проблесками») Станислав с воодушевлением стал напутствовать меня на создание отдельной книжки таких афоризмов:

- Я внутренним духом чую, что тебе надо трудиться в этом направлении. У тебя врождённая способность писать кратко, а это не у каждого пишущего есть. Мне тоже иногда надо сдерживать себя от многословия. Но это уже от натуры. Давай пиши, а я помогу отредактировать.

- Хорошо, у меня уже с полсотни есть, а что тебе понравилось больше всего:

- Ну, хотя бы, вот это:

Идёшь по жизни слепо, наугад,
И что-то покупаешь, чем-то платишь,
И каждая душа – бесценный клад,
И весь вопрос – на что его потратишь?

Или это:

Не делайте беды из ничего –
Живите выше горя своего.

А мне нравится твоё короткое:

И та, кого я в юности любил,
и та, кого люблю сейчас, и даже
та, что разбудит в старости мой пыл –
всегда, всегда, всегда – одна и та же...

- Да, спасибо, но всё же нет ничего точнее и лаконичнее афоризма, чем русская частушка. Ты же знаешь эту весёлую частушку про барыню. «Не зря же, ох, не случайно эта непечатная частушка пережила всё двадцатое столетие, придя в него из предыдущего, и до наступившего века дожила. Да, груба, да, детям её нельзя слушать... Но до чего же точно она отражает суть людских взаимоотношений в обществе. В любом обществе – любого времени и века. Да и суть самого общества. И времени тоже...». (*«Столешица столетий»*).

И я потихоньку стал собирать афоризмы. Когда набралось больше сотни я отдал Станиславу. Он отредактировал: десяток вычеркнул совсем,

некоторые пришлось поправить, и когда он дал «добро» я опубликовал их в нашем коллективном сборнике «Берёзы не покидайте Россию» в разделе «Проблески».

Это был какой-то переломный момент в жизни Золотцева. Он ходил везде подавленный и мрачный. И, наверное, в это трудное для себя время, он чаще повторял своё «нет доли печальней, чем русским родиться поэтом». И, наверное, в это же время он написал множество своих злых и колючих эпиграмм не только на псковское начальство, но и на московских чиновников.

А «Псковская правда» охотно их публиковала. За Золотцевым укрепилась слава неудобного, колючего поэта, и эта «тень» неизменно падала на всё «Объединение». Мы все для начальства стали неудобными и бунтарями, и хорошо ощущали это на себе. И начальство на нас так и смотрело, как на изгоев.

Станислав всё чаще говорит о своей отставке, об уходе с поста председателя. Он мотивирует это тем, что хочет всецело отдаться прозе, а для этого требуется много времени, что ему надо осуществить свои личные планы и сосредоточиться на этом.

И вот накануне перевыборного собрания он пришёл ко мне домой и начал такой разговор:

- Валера, я пришёл за твоей поддержкой. Я знаю, вы все или почти все не хотите, чтобы я ушёл.

- Лично я тоже не хочу, чтобы ты ушёл.

- Я знаю, и поэтому я прошу, чтобы ты проголосовал против моей кандидатуры.

- Почему ты решил нас покинуть?

- Многого не объяснишь, но поверь – это надо лично мне. Да и перед Иренкой я тоже виноват. По сути всю работу в «Объединении» по выпуску нашей литературы, работу с типографиями и всё остальное – делает она. Вот и пусть она станет председателем. Так будет честнее.

- Я всё понял, Станислав, и, если ты так хочешь, сделаю, как ты просишь.

И на перевыборном собрании мы его переизбрали. Новым председателем «Объединения» стала Ирена Панченко.

Первый раз я ощутил на себе его неуживчивый характер, когда летом 2002 года, после моего 60-летнего юбилея, он мне обиженным тоном заявил:

- Валера, я на тебя рассердился.

- И за что же это?

- Почему ты меня не пригласил на свой юбилей?

- Стас, ну извини, но ты же в Москве был.

- Ну, и что же, я бы приехал.

- Ах, если б я знал, что ты приедешь, я бы тебя пригласил.

Я почему-то не чувствовал за собой никакой вины...

Но он действительно обиделся. И, кажется, надолго. Не знаю, - это ли было причиной или было что-то другое, но вскоре он отказался публиковаться в нашем следующем сборнике «На крыльях юности», 2002. И было это при очень странных обстоятельствах.

Ирене Панченко был звонок из Москвы. Звонил Золотцев.

- Ирена, привет. Что вы сейчас готовите к публикации.

- Новый сборник стихов «На крыльях юности».

- А мои стихи там есть?

- А как же мы без тебя, конечно есть.

- И какие это стихи?

- Ну какие ты давал, те и есть, я уже не помню какие ты давал.

- Я не давал никаких стихов и не хочу участвовать в этом сборнике.

- Ну, здарсьте, вот это номер, но ты опоздал, потому, что рукопись уже в Великих Луках.

- Да?..

И ведь он не поленился позвонить в типографию в Луки, прямо самому Юрию Позднякову и попросил снять его подборку с книги.

А следующую книгу мы выпускали песенную. Это был сборник песен на стихи псковских поэтов «Псковщина – песня моя». Мы собрали песни всех псковских авторов. Их оказалось более восьмидесяти, а Золотцев по известной причине в этом сборнике не участвовал. Но когда книга вышла, он с обидой стал упрекать нас, за то, что он не был включён в сборник:

- Ну, почему вы меня не взяли, ведь столько песен написано на мои стихи. Эх, ребята, ну давайте уже жить дружно. Я всё понял и каюсь, что был не прав.

После этого случая Золотцев снова стал «нашим» и снова участвовал в каждом нашем последующем сборнике.

В сознание многих читателей Станислав Золотцев вошёл как пламенный певец любви. Говоря словами поэта:

«Я к ногам твоим. Русская женщина,
жизнь мою, как поэму слагаю».

Его муза славит любовь, как прекрасное, возвышенное чувство, способное вдохновить на смелые подвиги и на великие свершения, кажется, что она воспекает сам воздух любви.

Говоря о лирике Золотцева, нельзя не отметить ещё одну особенность. Он не боится простых слов, общепринятых эпитетов, иногда даже готовых формул. Поэтическая сила и обаяние лирики Золотцева, порой, не в причудливом образе и в необычном словосочетании, а в непосредственности чувства, задушевности тона, подчас даже в наивности, детскости восприятия.

Мы в клеверном поле с тобой обнимались,

и воздух медовый был розово-бел,
и к солнцу от поля лучи поднимались,
и клеверный ветер над нами шумел.

А рядом ожившей мелодией вальса
кружилась по берегу стая берёз.
Я в клеверном поле с тобой целовался
под музыку эту до звёзд – и до слёз.

И зрела рябина, и завистью алой
горела - смотрела, как, жарко дыша,
ты в клеверном поле меня целовала
и в солнце твоя растворялась душа.

А в клеверном небе заря занималась,
и розово-белый качался прибой...
Что помню я в жизни! - лишь самую малость -
Лишь вечность, где мы целовались с тобой.

(«Клеверный вальс»)

Золотцев очень современен. Его стихи затрагивают самые насущные, самые коренные проблемы нашего времени. Каких бы глубинных вопросов народной жизни мы не коснулись, мы убеждаемся, что о многих из них мучительно думал или размышлял Золотцев, тревожно вглядываясь в будущее России.

По сути Золотцев стал зеркалом отразившим своё время – время распада страны, - Советского Союза, время смуты и перестройки, и время наступившего нового тысячелетия, как время надежд на светлое будущее.

Что ждёт Россию в будущем? Сумеют ли люди будущего сохранить красоту природы, любовь к земле... А значит сохранить себя и весь род человеческий! И поэтому эти стихи обращены не только к нам современникам, но они обращены и в завтрашний день:

Судьба, одно даруй мне в час последний –
уверенность, что в жизни без меня,
что в мире без меня мой дом не рухнет,
не воцарится ядерная ночь...
И в голоде блокадном не опухнет,
И не умрёт единственная дочь.

(«Как странно видеть...»)

И судьба дарует ему такую уверенность, и веру, и надежду, что Россия будет всегда. И поэтому он повторяет, как заклинание, как мантру. «К моей душе».

Что душа моя, вещая странница,
Тяжко в стужу звенеть соловьём?
Всё пройдёт... А Россия – останется.
Ради этого мы и живём

(«К моей душе»)

И, как пророк, успокаивая и призывая отчаявшихся оглянуться назад, на историю и вечную славу России, утверждает. «Ну, хватит плакать».

Так хватит плакать, хватит, будет...
Пускай услышит белый свет:
- Мы есть, мы – русские, мы – люди
Тысячелетий, а не лет.

«(Ну, хватит плакать»)

А в конце у Золотцева выходят следующие книги стихов: «Псковская рапсодия», 2003, «Соло на два голоса», 2004, «Звезда и крест Победы», 2005, «Четырнадцать колоколов любви», 2006, «Последний соловей», 2007. И прозаические произведения: «Зажги выюгу!», 2007, и «Столешница столетья», 2008.

Художественный мир Золотцева-прозаика романтически эмоционален, драматичен и афористичен. Его проза, в большинстве своём, предельно реалистична в показе картин народной жизни. Он часто обращается к теме Псковщины, глубинных псковских народных корней, красоты родной земли и простых людей, живущих на ней. Он остро ощущал своё кровное родство со своей малой родиной и поэтому с большой сыновней любовью воспевал этот мир уходящей и нетленной красоты.

Его романы «Камышовый кот Иван Иванович», (об удивительной истории из жизни деревенской семьи в псковской деревне) и «У подножья Синичьей горы», посвящённый Пушкину, его обители в селе Михайловском, - оригинальны по замыслу и поэтичны по сути.

Золотцев очень любил живопись. Постоянно вращаясь среди художников, посещая различные выставки, и бывая на мастер-классах, устраиваемых в «Филиале городского Культурного центра», он неоднократно был уже готов и сам взяться за кисть, но его всегда что-то останавливало.

На одной выставке моих картин он остановился около одной из них, и долго рассматривая, сказал:

- Ну, Валера – тут ты превзошёл самого себя. И когда это ты успел так овладеть красками, ведь ты всего пять лет, как взялся за кисть?

- Открою тебе секрет. Эта картина – копия с картины одного, можно сказать, известного живописца, очень талантливого. Я нашёл её в интернете и она мне так понравилась, что я не устоял и сделал копию. Тем более, что наши учителя Погостин и Орлов это дело – копирование – поощряют, как полезное для начинающих художников. Когда же ты возьмёшься за кисть, ведь давно хочешь это сделать?

- Не сыпь соль на рану. Помнишь, как когда-то, несколько лет назад, Ирена Панченко организовала этот проект, когда Юрий Юрин рисовал нас – тебя, меня, Ирену, Малякова, Гусева, я уже не помню кого, для музея. Я тогда в первый раз усомнился, в том, что я возьму кисть. Как подумая, что надо выстоять два-три часа перед мольбертом – дрожь берёт. И сразу охота отпадает. Я непоседа – моя жизнь – движение и воля... Но и скрывать не хочу – краски – моя слабость.

В последний раз мы встретились случайно у почтового отделения на улице Коммунальной, куда он пришёл в первый раз получать свою пенсию. Это был самый конец января 2008 года. Вид у него был радостный и почти счастливый. Лёгкий январский морозец и солнышко, смотревшее с голубого чистого неба раздразнили ему щёки и вызвали добрую дружескую улыбку:

- Привет!

- Привет! Вот, пришёл получить свою первую пенсию.

- Как первую?

- Так – первую, пока за январь месяц, которую Анна каким-то образом выхлопотала мне. Теперь буду всегда её получать. А сегодня первую!

- И сколько?

- Почти три тысячи!

- Да-а, поздравляю!

- Спасибо... Будет с чем в Москву поехать. Теперь мне полегче будет с пенсией-то. А то в последнее время совсем без денег жил.

- А в Москву-то зачем?

- Вот, пригласили выступить на 12-м Всемирном Русском Народном Соборе. Он в Феврале будет. Сейчас сию доклад готовлю. Очень ответственное выступление.

- погоди, но Собор организовывается под эгидой церкви, причём здесь мы – писатели.

- Ты что! Наш Ганичев – заместитель Главы Собора. Он же будет и заседание открывать, после общей молитвы. И мне слово будет давать тоже он.

- А где будет заседание и что у тебя за тема?

- В кремлёвском дворце. А тема общая: «Будущие поколения – национальное достояние России».

- Круто, наконец-то о будущем задумались. Но, у тебя-то есть что сказать, и даже стихи твои некоторые в эту тему хорошо вписываются.

- А как же без стихов, они будут - обязательно будут!

- Ну, удачи тебе, Стас. Пока!

- Пока!

И мы расстались. А через несколько дней из Москвы пришло сообщение о том, что 4 февраля его не стало.

Золотцев был убеждён, что культура – это не только движение вперёд, но это и движение к истокам, к корням, а без знания русской деревни узнать Россию вообще нельзя. Тем более написать такие пронзительные лирико-философские стихи, как эти. Романтически прекрасный образ «двух коней на лугу» беззащитных перед удушающим «чадом, одуревшей от грохота площади», наполнен сыновней любовью к Родине, ко всему живому на земле:

И однажды, в чаду одуревшей от грохота площади
вдруг виденье мелькнёт – словно древний припомнится миф:
два коня на лугу, две усталых расседланных лошади
одинокое стоят, золотистые шеи скрестив.

Два коня на лугу, на вечернем лугу затуманенном.
Два коня над рекой, уплывающей в красный закат,
у опушки лесной, где висит комариное марево,
и пушистых птенцов перепёлочки гнёзда таят.
И звенят за рекой и сверкают в некошеной свежести
две последних косы, луговые срезая цветы,
и сожмётся душа от неожиданной-негаданной нежности
от земной и родной - и такой неземной красоты.

И куда б ни лететь через весь этот мир заположенный,
от себя самого никуда не отпустят меня
два коня на лугу, две усталых расседланных лошади
посредине земли. На вечернем лугу. Два коня...

Летописец любви, никого не прошу я о помощи,
только память мою - где в разливе добра и тепла
набухают росой
их червонные гривы до полночи,
и малиновый жар излучают большие тела.
Два коня, две красы, обречённо друг к другу прижатые
той же силой земной, что гуляет по венам моим,

и рождает детей, и возносит колосья усатые,
и уводит людей от земли в галактический дым.

И какие вы рельсы на Млечном пути ни положите,
в них опять зазвонит неизбывный славянский мотив:
два коня на лугу, две усталых расседланных лошади
одиноким стоят,
золотистые шеи скрестив.
Два коня...

(«Два коня»)

Я думаю, что наверняка этот образ «Двух коней» Станиславу был навеян образом «Красногривого жеребёнка» Есенина из «Сорокоуста», трагически-беззащитного перед силой железного «коня», железного века.

Эти стихи Золотцева наполнены живой красотой русской природы, которая, по существу, становится всё более беззащитной перед натиском «чада, одуревшей от грохота площади». А проблема защиты живой красоты природы, не только осталась, но со временем ещё больше заострилась.

Более того – она стала нынче всемирной, касается всех и каждого из нас. Человечество стоит у края экологической пропасти. Но поэтому стихи о «двух конях на лугу» будут волновать и тех, кто придёт за нами.

Поэт как бы говорит нам: остановитесь хоть на миг, отбросьте повседневность, посмотрите на красоту вокруг, на «уплывающий красный закат над рекой», на «лесную опушку», где «висит комариное марево», «и пушистых птенцов перепёлочки гнёзда таят»... «Два коня, две красы», обладающие той же силой земной, «что гуляет по венам моим».

Мир человека и мир природы – он един и неделим. Поэт осознаёт, что конфликт с природой приносит непоправимый нравственный ущерб. Отсюда прозрение и нравственная высота Золотцевской философской лирики. Потому-то Золотцев встаёт открыто в стихах на защиту «двух коней на лугу». Они для него олицетворяют красоту и гармонию мира.

Золотцев убеждён, что Россия должна идти не по какому-то европейскому или американскому пути, а что у неё есть и всегда был свой путь, которым она шла все эти века и тысячелетия. Это «путь русской вечности» подаренной поэту, умеющему увидеть, услышать и разгадать тайны и величие этого самого пути. Поэтому даже в минуты роковые «смертной тоски» он спасён и оправдан тем, что:

...Так что же охвачен я смертной тоскою?! -
Ведь русская вечность подарена мне,
Как белому храму над синей рекою
И каменным стражам на той стороне...

И этот самый путь «русской вечности», который проходит красной нитью через всё творчество поэта, через его стихи и прозу, говорит лишь об одном – о безграничной любви к вечным ценностям: к жизни, к природе, к Родине, к Пскову, к земле, к женщине. К тому, что он так страстно и пламенно воспевал.

Гимн городу Пскову, городу, который вечно был и вечно будет, тоже будет жить и исполняться нашими потомками. А значит будет жить и имя автора слов, поистине вещей и вечных. Не это ли имел ввиду Станислав Золотцев, когда восклицал:

...И всё-таки - меня окликнут снова
на той земле, где начал я житьё.
И с древней честью города родного
сольётся имя древнее моё.

(«Псковские строки»)

И, когда в полушутливом стихотворении своём «Две кукушки», Золотцев говорит:

Ни к чему мне теряться в догадках,
как в зелёной кукушечьей мгле.
Знаю сам, что ни долго, ни кратко –
вечно буду я жить на земле...

мы уже твёрдо верим, что именно так и будет.
Дай же Бог, чтобы эти слова оказались пророческими.

P.S. Решением Псковской городской думы от 3 февраля 2012 года библиотеке духовного развития "Родник" города Пскова было присвоено имя Станислава Золотцева.

Валерий Мухин, поэт, художник,
Член СП России. Февраль 2018.

На фото В. Мухин и С. Золотцев.